

Запрягший судьбу...

Известному прозаику и эссеисту Эдуарду Анашкину — 70 лет

Не зря говорится про русских, что они долго запрягают, но быстро ездят. Название одной из книг моего давнего друга-коллеги, самарского прозаика и эссеиста, юбиляра этого года Эдуарда Анашкина «Запрягу судьбу я в санки» невольно навеивает подобные аналогии. Запрячь судьбу, а литературную тем паче, порой и жизни может не хватить. Как говорится: век живи — век запрягай!

Эдуард Константинович впрягся в свою литературную судьбу в далёком 60-м году, попав на ныне легендарный Всесоюзный семинар-совещание молодых писателей в Чите. Там он впервые пересёкся с совсем молодым и не имевшем на тот момент в творческом активе ни одной изданной книги, а ныне нашим выдающимся, но, увы, покойным классиком Валентином Распутиным. Встреча эта, как показала жизнь, стала не только судьбоносной для Эдуарда Константиновича, но и знаковой-ключевой. Тогда Валентин Распутин, оказавшийся открытием семинара, пообещал совсем ещё «зелёному» читинцу из города Хилок Эдуарду Анашкину свою будущую книгу, как сегодня говорят, по факту издания... Позже, по мере написания и выхода книг Распутина, открытый будет ещё множество. Едва ли не каждая его повесть станет открытием для читающей и мыслящей России — порой горьким, но сладких лекарств не бывает.

Дружбу двух сибиряков — русского классика Распутина и летописца-насельника волжской глубинки Анашкина — разделили годы и тысячи неоглядных русских вёрст, причём, со стороны Эдуарда Анашкина эта дружба была сокровением. Иначе бы я, зная к 2002 году Анашкина уже многие годы, не была так изумлена, раскрыв его книгу «Запрягу судьбу я в санки» и увидев предисловие Валентина Григорьевича. Я перечитала его несколько раз. Изумилась, позавидовала, погордилась, порадовалась. Надо же, сам Распутин не только прочитал эту вещь моего самарского земляка, но и нашёл нужным откликнуться предисловием. И только выразив Эдуарду Константиновичу своё изумление, узнала, что с Валентином Григорьевичем его связывают десятилетия знакомства и творческой дружбы.

Сразу извинюсь, что, говоря об Анашкине, мне придётся время от времени поминать имя Распутина всуе, но из песни слов не выкинешь. А Валентин Григорьевич, не побоясь этого определения, знаковый человек для судьбы Анашкина. И это я знаю не со слов Эдуарда Константиновича, а просто наблюдая многие годы, каким событием для него был каждый телефонный звонок от Распутина, каждая присланная им новая книга. Этой радостью Анашкин по телефону делился со мной, и даже голос его в эти минуты звучал иначе. И как он переживал, когда порой слышал мнения, мол, лучшая распутинская повесть написана про предателя...

«Диана, как же некоторые до сих пор не понимают, что Распутин — пророк, что он ещё в благополучные советские годы предсказал, что ждёт Настёну-Россию, если она будет спасать предателей...» — с горечью как-то вздохнул он. А я, помнится, тогда подумала, что такова вообще человеческая природа, ведь метафизика в том, что человек не хочет слушать правдивых предостережений, а когда они сбываются лишь потому, что он предпочитал быть глухим и слепым, человек винит именно того, кто предупреждал о грозящей беде... Увы-увы!

Помню, каким событием стало для Эдуарда Константиновича посещение литературного праздника «Сияние России» в Ир-

кутске несколько лет назад по личному приглашению Валентина Григорьевича. И какой утратой стал уход Распутина из жизни. По жуткому закону парадокса, смерть лучшего современного русского писателя фактически открыла Год литературы в России, и такое открытие, конечно, не сулило ничего хорошего литературе, что и подтвердилось впоследствии. «Словно воздух выкачали из груди», — только так и сказал Эдуард Константинович о смерти Распутина. Больше мы распутинской темы в разговорах не касались...

Эдуард Анашкин — писатель несовременный. Да и человек, слава Богу, тоже несовременный. Его мало интересует нынешний формат человеческой успешности. Ему интересна душа человеческая в вечных её проявлениях: изначального одиночества и сиротства, и преодоления этого сиротства, если уж таковое привелось испытать в поиске Отца, без которого все мы сироты, даже вырастая в полной семье, какая не посчастливилось герою моего повествования. Какая радость и какая редкость в наше-то «креативенькое» времечко встретить такого несуетного человека, как Анашкин! Вот так бежишь куда-то и зачем-то, и вдруг его звонок. «Диана, с праздником! Ныне Богоявление!». И думаешь: «Стоп! А не пропустил ли ты в вечной беготне по кругу самого главного?».

Чем страшна современность для писателя? Чем чревато городское многолюдье? А тем, что встреча человека с человеком перестаёт быть для обоих событием. Хотя, по сути, это и есть глупое в земной нашей жизни. Важнее лишь встреча человека с Богом...

Для живущего в самарской глубинке Анашкина встреча с человеком всегда была и остаётся событием. Как и встреча с каждой новой дарственной книгой, что в изобилии слали, шлют и будут слать ему со всей России современные словотворцы... Собственно, это переживание каждой такой встречи и вылилось в последние годы у Анашкина в ряд изданных в Самаре и Москве книг литературно-художественных эссе-портретов словотворцев современной России. И вот из литературного «портретиста» и сам Эдуард Константинович по причине своего юбилея попался мне на кончик пера.

«Щемлящая нота сиротства» — так я когда-то для себя определила суть прозы Анашкина. Детдомовское детство стало истоком и главной темой его творчества. Поколение детей Победы, к которому принадлежит Эдуард Константинович, можно ещё с полным основанием назвать поколением послевоенного сиротства. Но даже в повестях, в т.ч. в отмеченном Валентином Распутиным рассказе «Вовкин поцелуй», это сиротство есть сиротством преодолённое.

Дело в том, что, когда Эдуард Константинович вырос и стал пробовать себя в литературе, ему не надо было искать свою тему. Эта тема — тема сиротства — сама нашла его, задолго до того, как он стал писателем. Сначала стала болью его детства, и только потом — темой его прозы. Но читая «сиротскую прозу» Анашкина, в

какой-то момент понимаешь, что, по сути, сирот на свете нет и быть не может. Даже если ты растёшь без родителей в разрушенном почти до основания пришлой немчурой атеистическом государстве, в каком приспело тебе на долю родиться и жить, у тебя всегда есть Отец Небесный. И Он всегда рядом с тобой, важно лишь ощутить Его присутствие. Ведь даже если ты не веришь в Него — Он, несмотря ни на что, верит в тебя. Вера в Бога и общение-встречи с верующими людьми России на Всемирном русском народном соборе, частым гостем которого является Эдуард Константинович, стали для него некоей духовной крепью.

Анашкин — человек бывалый, перепробовал разные профессии: учительствовал, кочегарил, чабанил... Один из аксакалов самарской поэзии Борис Сиротин как-то рассказал совершенно удивительную историю о том, как в лихие девяностые, будучи вооружён только кнутом, чабан Анашкин, поддерживаемый заливи́сто отчаянным лаем своей единственной помощницы собачонки, дерзнул пойти против вооружённых отнюдь не рогатками дюжих братков на «мерседесе», которые по пути с «трудов праведных» решили, походя, прихватизировать, по тогдашнему обыкновению, парочку совхозных баранов, вверенных чабанскому попечению Анашкина. Но не на того нарвались. Не впервой людям сибирско-волжского формата идти с оглоблей на танк и с кнутом на автомат. Как говорит в шутку Эдуард Константинович, «наш русский удар вилами: один удар — четыре дыры». До вил дело тогда, слава Богу, не дошло. Изумлённые

смелостью чабана, братки то ли утомились, то ли усовестились, да и махнули рукой и на баранов, и на их малахольно отважного пастыря.

Сибиряк-то Анашкин, сибиряк, да вот первая публикация у него состоялась на Волге, в Самаре (тогда Куйбышеве), куда Эдуард Константинович, «сибирский волжанин» или «волжский сибиряк», как он порой себя называет, приехал жить. Это был 1986 год и областная газета «Волжская коммуна». Запрягал Эдуард Анашкин долго: первая публикация, которую он считает знаковой, случилась у него лишь в 40 лет! Зато запрягший наконец свою литературную судьбу Анашкин далее поехал хоть и не суетно, но неостановимо.

Книги прозы и эссеистики, вышедшие в самарском издательстве «Русское эхо» и в московском — «Российский писатель», множество публикаций в «Парламентской газете», «Общеписательской Литературной газете», «Российском писателе», «Дне литературы», «Нашем современнике», «Роман-журнале 21 век»... Плодотворное сотрудничество практически со всеми ведущими журналами современной России: воронежским «Подъёмом», оренбургским «Гостиным Двором», пензенской «Сурой», саратовской «Волгой-21 век», самарским «Русским эхом»... Перечислять можно много и долго, но лучше поздравить юбиляра — замечательного русского человека и писателя с юбилеем.

Дорогой Эдуард Константинович, как говорится, посылай тебе Бог ещё много-много юбилеев!